

БОГОСЛОВ'Я

Архимандрит Нестор (Соменок)

**На пути к синтезу русского
академического богословия
и церковно-исторической
науки: вклад Киевской
Духовной Академии**

I

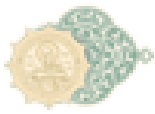
Киевская Духовная Академия (далее — КДА), имевшая в своем названии до революции приставку «императорская», не только прошла славный и тяжелый путь в своем историческом развитии, но и заняла свое почетное место среди высших духовных заведений не только Православной Руси, но и всего Православного мира.

Будем надеяться, что этот почет и уважение, которые стяжали для Академии профессоры, преподаватели и студенты славного прошлого исторического бытия Киевской *Alma Mater*, будут продолжены и умножены.

За всю свою официальную историю наша Академия, учитывая, в том числе, и период в конце XX — начале XXI столетия, только трижды праздновала свои юбилеи. Например, с 23 по 27 ноября 2001 года Киево-Печерской Лавре торжественно отмечался 300-летний юбилей дарования Киево-Могилянской коллегии статуса Академии (1701–2001). Празднование было отмечено Божественной Литургией, которую возглавил Предстоятель Украинской Православной Церкви Блаженнейший Митрополит Киевский и всея Украины Владимир, также было проведено торжественное юбилейное заседание с чтением приветствий и отдельных докладов, изданных затем в юбилейном выпуске «Трудов КДА»¹.

Два предшествующих юбилея Академии: в 1869 году, посвященный 50-летию КДА (торжество открытия совершилось 28 сентября 1819 года, в воскресный день) и еще более скромно в 1915 году, в связи с празднованием 300-летия КДА, как преемницы Киево-Могилянской Коллегии-Академии. Праздничному торжеству, планируемому с размахом, соответствующему историческому моменту и возрасту «юбиляра»,

¹Труды КДА № 4. Ювілейний збірник. Київ, 2002.

который практически вырос из скромной Братской школы в духовно-интеллектуальный материк, в церковно-исторический феномен по имени: «КДА», помешала первая мировая война. Революционные же потрясения 1917 года поставили не только точку в историческом бытии Российской империи, но и большой поминальный Крест на почти всех тогдашних сферах духовно-народного и интеллектуально-интеллигентного существования. Большевики объявили импичмент религии (то есть культу и его служителям), дворянству и частной собственности. Однако, новая власть не учла двух моментов: 1) душа есть не только у человека, но и у народа; 2) Церковь является не просто обществом людей верующих, но, и это самое главное, Она (Святая Церковь) есть Тело Христово.

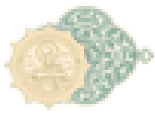
Теперь у нас есть насущная необходимость в том, чтобы кратко проследить ту цепочку связей, атмосферу в Академии, которая позволила сформироваться церковно-историческому академическому братству, сумевшему выйти на передовые научные рубежи, на тот высокий духовно-интеллектуальный уровень, когда подвижники академической науки создали свой научный микроклимат, свой особый духовный синтез, который присущ только КДА.

Среди Киевских архиереев, которые покровительствовали занятиям церковной и гражданской историей, первое место, по праву, принадлежит митрополиту Евгению (Болховитинову, 1767–1837). Знаменитый иерарх с более чем тридцатилетним стажем служения в архиерейском сане, владыка Евгений, с первых дней своего пребывания на Киевской митрополичьей кафедре, продолжил занятия своими любимыми предметами: историей и археологией. Особый интерес он проявлял к остаткам Десятинного храма, первой каменной церкви, построенной святым равноапостольным князем Владимиром на месте убийства в 983 году христиан-варягов Феодора и его сына Иоанна.

Перу митрополита Евгения принадлежит большое количество важных исторических и археологических исследований², которые и сейчас, в XXI веке занимают важное место в историографии Русской Церкви, в жизни академического богословия, церковной истории и исторической науке вообще.

Митрополиту Евгению принадлежит честь открытия Киевской академической конференции во исполнение Устава Духовных Академий 1808–1814 годов. Торжество открытия состоялось 18 декабря 1823 года. Избрание почетных членов, их выборы, функционирование Конференции и другие подробности имеются в «исторической записке» профес-

² История Российской иерархии. В 6-ти томах. М., 1807–1815; Описание Киево-Софийского собора и история Киевской иерархии. К., 1825; Историческое описание Киево-Печерской Лавры. К., 1826; Словарь исторический о писателях духовного чина. В 2-х томах. СПб., 1818; Словарь исторический о писателях светских. В 2-х томах. М., 1845.

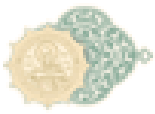
сора протоиерея Федора Ивановича Титова, посвященной трехвековой жизни и деятельности КДА (1615–1915 гг.)³. Кстати, на последние годы жизни и деятельности Митрополита Евгения приходится и другое исторически важное событие не только для Киева и Украины, но и для всей Руси и даже для дальнего зарубежья, каковым явилось открытие Киевского университета 15 июля 1834 года. Первым ректором этого рассадника просвещения и науки, в том числе и духовной, стал ученый с мировым именем, естествоиспытатель, филолог и историк, член-корреспондент Петербургской Академии наук (с 1871 года) Михаил Александрович Максимович (1804–1873). С этого момента и до 1917 года продолжалось активное сотрудничество двух высших учебных заведений Киева: Духовной Академии и Киевского университета святого Владимира.

Каким было состояние исторической науки в КДА до принятия нового Устава в 1869 году? Об этом со знанием дела, говорит бытописатель и историк КДА протоиерей Ф. Титов.

«Кафедра общей церковной и гражданской истории в преобразованной Академии принадлежала к разряду второстепенных, причем гражданская история была даже необязательной для всех студентов, а русская — церковная и гражданская история — первоначально даже совсем не выделялась в особенную самостоятельную кафедру. Это, без сомнения, отражалось и на самом состоянии кафедр, равно как и на состоянии исторической науки вообще в Киевской духовной Академии. В 1820–1830-х годах некоторому оживлению занятий историческою наукою среди студентов Киевской духовной Академии содействовал м. Евгений Болховитинов. Он настаивал на том, чтобы темы для курсовых сочинений давались почаще из области исторической науки вообще и, в частности, из русской церковной истории. Иногда он сам предлагал интересовавшие его вопросы в качестве подобных тем, причем сам же и руководил студентами при написании ими курсовых работ. Некоторые из таких студенческих опытов, напр., иеромонаха Евсевия Ильинского: “Кто был первый митрополит киевский”, О. М. Новицкого: “О духовоборцах”, Н. И. Соколова: “О времени крещения св. кн. Ольги” были впоследствии напечатаны. Желая и на будущее время обеспечить такой же порядок студенческих занятий разработкой вопросов из области русской истории, м. Евгений Болховитинов вместе со своим ученым другом канцлером гр. Н. П. Румянцевым пожертвовал довольно значительный капитал, на проценты с которого должны были печататься студенческие работы и поощряться их авторы.

В 1830-х годах особенно оживилось в Киеве историческое движение при участии м. Евгения Болховитинова, Иннокентия Борисова и неко-

³Титов Ф., проф. прот. Императорская Киевская Духовная Академия в ее трехвековой жизни и деятельности (1615–1915 гг.): Историческая записка. К., 2003. С. 422–440.

торых профессоров новооткрытого тогда университета св. Владимира. И тем не менее ни м. Евгений Болховитинов, ни Иннокентий Борисов не смогли, без сомнения, по недостатку средств, в их распоряжении находившихся, завести особую кафедру для русской церковной и гражданской истории, которую без жалования читал в 1831 и след. годах А. А. Минервин. Она явилась, как мы знаем, только с начала 1841/2 учебного года благодаря заботам ректора Димитрия Муретова. Первым представителем ее был сделавшийся впоследствии нашим знаменитым историком Русской Церкви митрополит (тогда иеромонах) Макарий Булгаков. Историческое движение, оживившееся в Киеве к концу 1830-х годов, оказало большое влияние на научные интересы Макария. После написания в качестве одного из своих курсовых сочинений Истории Киевской Академии, он с необыкновенным увлечением принялся за изучение русской истории — гражданской и церковной, которую спустя время уже читал с академической кафедры студентам низшего и высшего отделений. Лекции, читанные им по истории русской церкви в течение 1841/2 учебного года, легли затем в основание известного его труда под заглавием: “История распространения христианства в России до равноапостольного князя Владимира”, составившего превосходное введение в капитальный 12-томный труд его по истории русской церкви, над которым он неутомимо и непрерывно работал тридцать лет до самой своей смерти, заставшей его в момент напряженной ученой работы.

Достоинным преемником славного создателя русской церковно-исторической кафедры в Киевской духовной Академии явился (после 10-летнего перерыва, когда кафедру занимал болезненный и отдавший больше сил и времени секретарским, чем ученым занятиям А. А. Минервин) профессор И. И. Малышевский, прекрасно восполнявший своего знаменитого предшественника, обладавшего редкою способностью к синтезу, глубоким анализом, которым отличались его лекции и ученые литературные труды.

С 1861–1863 гг. труды И. И. Малышевского по преподаванию русской истории начали разделять молодые и полные сил наставники — Ф. А. Терновский, читавший лекции по русской гражданской истории, и Ф. Г. Лебединцев, преподававший учение о русском расколе.

Параллельно с ним общую церковную историю преподавали: протоиерей И. Г. Орлов (1824–1834 гг.), иеромонах (впоследствии архимандрит) Лаврентий (в миру Димитрий Иванович) Макаров (1835–1844 гг.) и протоиерей Г. Н. Крамарев (1844–1857 гг.). С начала 1860-х годов церковную историю одновременно преподавали два профессора — один (Н. И. Щеголев) древнюю и другой (А. Д. Воронов) — новую.

Так к концу действия устава 1808–1814 гг. историческая и в особенности церковно-историческая наука в Киевской духовной Академии

заняла вполне подобающее ей место в ряду других академических дисциплин. В лице молодых профессоров — частью из воспитанников московской духовной академии (Ф.А. Терновский и А.Д. Воронов — оба были из школы знаменитого А.В. Горского) она приобрела способных, энергичных, одушевленных любовью к своему предмету тружеников. Догматическое направление, какого держались старые профессора Киевской духовной Академии частью по прямому требованию академического устава, а частью по внушениям строгих блюстителей академической науки в лице м. м. Евгения Болховитинова и Филарета Амфитеатрова, в лекциях новых профессоров истории сменилось критическим отношением к изучаемым фактам, причем в пособие к изучению истории церкви стали привлекаться и труды лучших западноевропейских церковных историков»⁴.

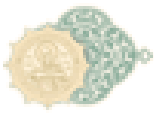
Итак, как мы видим, особая кафедра русской церковной и гражданской истории в КДА появилась с начала 1841/42 учебного года благодаря усердию тогдашнего ректора, впоследствии архиепископа Херсонского Дмитрия (Муретова) (†1883).

Профессор протонерей Ф. Титов не случайно называет митрополита Макария (Булгакова, 1816–1882) «славным создателем русской церковно-исторической кафедры» в КДА, так как в последний год пребывания своего в стенах Академии, после принятия монашества, он был оставлен для чтения лекций по истории.

«Сразу после окончания Академии общее собрание профессоров Академии и митрополит Филарет обратились в Святейший Синод с просьбой о присуждении иеромонаху Макарию магистерского звания, что и было сделано спустя почти два года. А пока, в звании бакалавра, иеромонах Макарий был оставлен на службе в Академии. На него была возложена ответственнейшая задача — начать в Киевской Духовной Академии чтение лекций по русской церковной и гражданской истории. До 1841 года в Киевской Академии не было специальной кафедры истории, и ее возникновение несомненно связано с приходом в преподавательский состав молодого бакалавра иеромонаха Макария. 28 июля 1841 года Академическая Конференция постановила: «Необходимо определить для преподавания сих предметов (русская церковная и гражданская история) особого наставника, отделив по два часа в неделю в низшем отделении для преподавания российской гражданской истории, а в высшем — церковной русской истории и назначив для сего окончившего курс студента, иеромонаха Макария».

Вводная часть курса по истории Русской Церкви включала в себя «исследование о начатках христианства в России до крещения великого князя Владимира». Это исследование вскоре было опубликовано ав-

⁴ Там же. С. 390–392.

тором в журнале “Христианское Чтение”, а потом и отдельным изданием. Впоследствии иеромонахом Макарием были прочитаны лекции по домонгольскому (988–1240 гг.) периоду истории Русской Церкви, собственно монгольскому и последующему (1240–1558 гг.) периодам. В этом же учебном году бакалавром Макарием Булгаковым был прочитан курс гражданской истории на низшем отделении Академии»⁵.

Так было положено начало знаменитой 13-томной (в 9-ти книгах) «Истории Русской Церкви», выдающегося церковного историка и действительного члена Российской императорской Академии наук, Высокопреосвященного Макария, митрополита Московского и Коломенского. Этот труд сопоставим по полноте и капитальности исследования разве что со знаменитыми сочинениями Н.М. Карамзина (1766–1826) и С.М. Соловьева (1820–1879).

Родной Alma Mater — КДА — была посвящена молодым тогда иеромонахом «История Киевской академии», где, между прочим, было указано:

«Таким образом Академия сия, по своему происхождению, служит живым памятником трех важнейших в истории событий. Она напоминает нам великую эпоху пробуждения Европы к просвещению, и вместе с тем первое участие России в умственной Европейской жизни; она служит памятником деятельного сознания потребности просвещения народа Русского после удручавшего его Татарского ига... памятником, наконец, первой явной опасности для Западной России лишиться православия, и вместе памятником особенной ревности Киевлян к православному веру»⁶.

Кроме того, уже вводный том «макариевского труда» (1846) известный русский историк М.П. Погодин с удовлетворением признал «блестательным доказательством... зрелости» нашей церковно-исторической науки. Позднее он же писал автору: «Ваша книга должна бы быть оглашена на торжищах и сделаться настольною книгою всякого образованного человека»⁷.

Колоритной личности митрополита Макария, его богословским и церковно-историческим трудам посвящен огромный пласт литературы, нас же интересует тот аспект деятельности почтенного автора, который явится связующим звеном двух разных областей научного знания: православного богословия и церковно-исторической науки. Причем, все это, более чем уместно сегодня, в наши дни. И это, несмотря на критический подход к некоторым элементам его научного метода

⁵ Макарий (Булгаков), митр. Московский и Коломенский. История Русской Церкви. М., 1994. Кн. 1. С. 14–15.

⁶ Макарий (Булгаков), иером. История Киевской академии. СПб., 1843. С. 11.

⁷ Макарий (Булгаков), митр. Московский и Коломенский. История Русской Церкви. М., 1994. Кн. 1. С. 9.

и научным выводам. В адрес владыки-историка звучало немало критики по поводу отстаиваемого им вопроса о посещении Руси святым апостолом Андреем Первозванным, владыку же богослова и донные критикуют как за схоластический метод построения своей догматической системы, так и за юридическую теорию спасения. Об этом много сказано в специальной научно-исторической и православно-догматической литературе, поэтому, по последнему вопросу укажем лишь на таких знаменитых авторов, какими были и являются авторитетные богословы ушедшего столетия настоящего времени, профессор протоиерей Петр Гнедич (1904–1962), профессор протоиерей Ливерий Воронов (1914–1995) и другие.

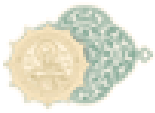
Есть и весьма трезвый взгляд и объективная оценка, которая принадлежит одному из авторов «Богословских трудов», где читаем:

«После архиепископа Антония (Амфитеатрова) русская богословская мысль концентрировала последовательно свои усилия на: обогащении и совершенствовании догматических систем; углублении исторического исследования догматов; их апологетическом изъяснении; раскрытии их нравственного и опытно-мистического содержания.

Первым встал на повестку дня вопрос об обогащении, расширении и научном совершенствовании системы православной догматики. В 1849 году в Петербурге выходит первый том пятитомного труда архимандрита (впоследствии — митрополита) Макария (Булгакова; 1816–1882) «Православно-догматическое богословие». Автор был удостоен вскоре за это сочинение полной Демидовской премии Академии Наук, а в 1854 году оно послужило одним из оснований к избранию архимандрита Макария в ординарные академики по Отделению русского языка и словесности.

«Православно-догматическое богословие» явилось грандиозной попыткой научной классификации всего накопившегося догматического материала. Полнотой научно-справочного аппарата, богатством и многообразием привлеченных богословских данных, точностью каждой богословской формулировки и мотивированностью библиейскими и святоотеческими свидетельствами оно превосходит не только «Догматическое богословие» архиепископа Антония (Амфитеатрова), но и все более поздние русские догматические системы. Без такого основательного подведения итогов всей предшествующей догматики невозможно было бы дальнейшее развитие русской богословской мысли.

Догматику митрополита Макария иногда упрекали в схоластичности, схематизме, в тяготении к школьно-богословской традиции. Но, как правило, при этом к ней предъявляли требования, каких не ставил перед собой (и которым, естественно, не пытался удовлетворить) ее автор, митрополит Макарий, а, следовательно, были к ней несправедливы.

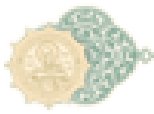
Между тем, по мысли митрополита Макария, “православно-догматическое богословие, понимаемое в смысле науки, должно изложить христианские догматы в систематическом порядке, с возможной полнотой, ясностью и основательностью, и притом не иначе, как по духу Православной Церкви”. Можно считать, что поставленную задачу его догматика выполнила для своего времени образцово. Явившись не только исторически необходимой в развитии русской православной догматической науки, она стала важным дидактическим руководством, о чем свидетельствовало использование её во всех позднейших системных догматических построениях. Все последующие поколения русских богословов выросли на “Догматике” митрополита Макария. Ведь понимание духа православной догматики, принципов ее научного богословского толкования невозможно без предварительного усвоения в Духовной школе тех догматических формул, которые составляют “азбуку догматики”. Лишь постепенно, в меру богословской зрелости исследователя, эти формулы раскрываются для него, наполняются светом и живым смыслом, высвобождая Дух и Истину православного учения из тесной словесной оболочки.

Но на первом этапе зарождения догматической науки, пока невозможен свободный богословский синтез, церковный богослов, естественно, должен ограничиться анализом готовых формул, заимствуемых из Священного Писания, и церковных вероопределений. Именно так строил свою систему митрополит Макарий: сначала формула, затем обоснование ее (максимально полное и точное) с помощью данных Откровения и церковного Предания, наконец анализ формулы.

Ограничивая далее содержательную сферу догмата, митрополит Макарий приходит к определению: “Догматами называются только те из истин веры, изложенных в Божественном Откровении, которые, относясь к самому существу христианской религии, как восстановленного союза между Богом и человеком, содержат в себе собственно учение о Боге и Его отношении к миру и особенно к человеку, и которые преподаются Церковью, как правила спасительной веры, непререкаемые и неизменные”.

Соответственно, православное догматическое богословие есть не что иное, как “система православного вероучения” или “наука, которая излагает учение Православной Церкви о Боге и делах Его”.

О ясном понимании митрополитом Макарием важности всестороннего научного раскрытия богословских концепций свидетельствует новый “Устав Духовных академий”, введенный в 1869 году в значительной степени под непосредственным влиянием и руководством самого митрополита Макария. Этот Устав (называемый иногда “Макарьевским”) сообщил историческое направление преподаванию всех важнейших

богословских наук. В том числе, догматическое богословие, согласно Уставу, должно было излагаться в обязательном сочетании с историей догматов и с критическим разбором инославных интерпретаций.

Что касается «безусловной обязательности», то она сообщается догмату не в силу его «отвлеченной и непререкаемой законченности», а в силу его сотериологической значимости, его внутренней жизненной необходимости как факта «спасительной веры».

В заключение повторим, что, по общему мнению историков русского богословия, без митрополита Макария (Булгакова) — и помимо него — нельзя представить себе дальнейшего развития русского богословия. Величие митрополита Макария заключается в том, что, «живя Церковью и для Церкви, он сумел подняться над временным и случайным, охватить в единой богословской картине современное ему состояние православного вероисповедания, получить как бы мгновенный срез церковно-исторического процесса и указать преемникам путеводные нити дальнейших исследований как в истории Церкви, так и в ее догматическом учении»⁸.

Учитывая все вышеизложенное, по нашему глубокому убеждению, в научных трудах и подвижнической личности таких богословов-историков, какими были, несмотря на их разности и даже абсолютную методологическую полярность, митрополит Макарий (Булгаков) и епископ Сильвестр (Малеванский), они достигли в своем научном богословско-историческом наследии того синтеза, который был показан и оставлен нам богословием отцов-каппадокийцев, а затем и в паламизме.

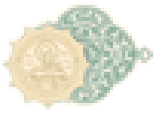
Недаром современный богослов и историк Церкви отмечает, что, в отличие от «Догматики» митрополита Макария, труд епископа Сильвестра весь пронизан «историзмом»⁹.

II

Прогрессивный Устав 1869 года способствовал учено-богословскому и церковно-историческому подъему Духовных Академий. Повзрослел богословский и общенаучный уровень высшей богословской школы. Причем, главная заслуга в проведении реформы духовных учебных заведений принадлежала специально созданному Комитету под председательством архиепископа Херсонского Димитрия (Муретова), который по целям и задачам переустройства духовных школ опередил свое время и на «сорок с лишним лет предвосхитил достижения русских предсоборных учреждений по вопросу школьной реформы. Главное

⁸ Лисовой Н. Н. Обзор основных направлений русской богословской академической науки в XIX — начале XX столетия // Богословские труды. Сб. 37. М., 2002. С. 14–17.

⁹ Цыпин В., прот. История Русской Православной Церкви: Синодальный и новейший периоды (1700–2005). М., 2006. С. 229.

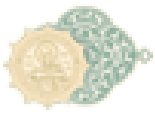

в нем было — при сохранении средних учебных заведений для детей духовенства, создание особых внесловесных пастырских школ со строгим внутренним укладом, куда бы допускались лица со сложившимся призванием к пастырству»¹⁰.

Незурядная личность владыки Дмитрия (Муретова) заслуживает некоторых особых слов, связанных с его научно-богословской деятельностью в КДА. Будущий архиепископ родился в семье диакона Рязанской губернии. Начальное духовное образование получил в семье, духовном училище и Рязанской Духовной Семинарии. Высшее образование получил в КДА (1831–1835). В 1834 году был пострижен в монашество. Академию окончил в числе первых магистров. Его магистерское сочинение «О путях Промысла Божия в обращении грешников и о путях покаяния для обращающихся» как одно из лучших было опубликовано в первом томе «Собрания сочинений студентов КДА» (К., 1839). А далее начинается обычный путь талантливого выпускника. Был оставлен бакалавром по кафедре Священного Писания и герменевтики, затем преподавал догматическое богословие и каноническое право. В 1837 году был назначен профессором догматического богословия, а в 1841 году стал ректором КДА. В конце 1850 года назначен епископом Тульским и Белевским. Хиротония состоялась 4 марта 1851 года в Казанском соборе Санкт-Петербурга. Так началось его плодотворное архиерейское служение.

Однако отдельной похвалы заслуживает и его научно-педагогическая деятельность. Лекции архимандрита Дмитрия по догматическому богословию, хотя они и не сохранились в авторской редакции, были «весьма обширны и подробны. Вместо положенных 3 лекций в неделю он читал 5 и нередко замещал преподавателей по церковному праву и Священному Писанию. Общая часть каноники Дмитрия (в студенческих записях) некоторое время служила в КДА учебным пособием. Будучи учеником епископа Иннокентия (Борисова) и сторонником исторического метода исследования и изложения богословия, Дмитрий положил начало разработке новой системы богословия, отказавшись от старых схоластических форм. М. Ф. Ястребов отмечал постепенное складывание догматической системы Дмитрия и, сравнивая ее с лекциями епископа Иннокентия, признавал, что система Дмитрия “в противоположность замечаемой в системе Иннокентия расплывчатости, развивается из одного центра и отличается замечательною логическою сосредоточенностью”. Под центром подразумевалась идея совершенного Иисусом Христом спасения человека. Ястребов считал, что превосходство богословской системы Дмитрия в органичности и логической связанности,

¹⁰Кирилл (Гундяев), архиеп. Богословское образование в Петербурге — Петрограде — Ленинграде: традиция и поиск // Богословские труды. Юбилейный сборник. М., 1986. С. 16.

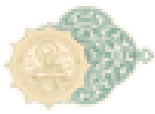

в преемственности и непрерывности “раскрытия всего плана в частных делениях и подразделениях”, а также в более солидном научном методе, который он определял как “историко-библейский”, т.е. основанный “на почве библейского текста и церковно-исторического учения”. Догматика Димитрия делится на общую (учение о Боге как предмете веры) и “особенную” (учение о спасении рода человеческого Сыном Божиим) части. В 1-ю входят учения о Троицином Боге, о действиях Троиипостасного Божества в мире (учение о творении мира, Промысле Божиим, ангелах, человеке), во 2-ю — учения о приготовлении рода человеческого к принятию Искупителя, о пришествии Иисуса Христа и Его служении.

Ректорство Димитрия составило эпоху в истории КДА, получив название “благостное”. Духовное образование Димитрий считал “истинно христианским образованием не только ума, но преимущественно сердца”, воспитанием христианского характера, при котором “внешнему развитию познавательных сил” должно соответствовать “внутреннее развитие христианского чувства”. Обладая обширными познаниями, феноменальной памятью и усердием, Димитрий имел большое влияние на студентов, стремился выпускать из Академии богословов, получивших крепкую и надежную защиту против различных “рационалистических суетумудрий”. Среди его учеников были Московский митр. Макарий (Булгаков), Киевский митр. Иоанникий (Руднев), Сербский митр. Михаил (Иованович), Казанский архиеп. Антоний (Амфитеатров), Тульский архиеп. Никандр (Покровский), Владимирский еп. св. Феофан Затворник (Говоров), Рижский еп. Филарет (Филаретов), архим. Антонин (Капустин). Некоторые современники Димитрия считали, что сочинение митр. Макария (Булгакова) “Православно-догматическое богословие” было лишь переработанным вариантом лекций Димитрия по догматике, которые он готовил к печати и сжег, получив опубликованный труд митр. Макария. Позднейшие исследователи (Ястребов, прот. Ф.И. Титов, М.Н. Скабалланович) признавали глубокое влияние учителя на ученика, но отрицали прямое заимствование. Сравнивая программы Димитрия и митр. Макария (в СПбДА), они видели в них несомненное сходство, но при этом меньшее, чем между программами Димитрия и еп. Иннокентия. Как ученый и профессор Димитрий (Муретов) пользовался известностью не только в России, но и за границей»¹¹.

Что же новаторского и прогрессивного внес Устав 1869 года? «Новый Устав Духовных Академий был принят в 1869 году. Он предполагал широкий круг преобразований. Прежде всего, в нем был ясно выражен ученый характер высшей богословской школы. Значительно расширились права академических конференций. Повышались и требования к се

¹¹ Богданова Т.А. Димитрий (Муретов), архиепископ // Православная энциклопедия. М., 2007. Т. 15. С. 87.

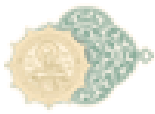

членам. Ординарные профессора, а также и ректор обязаны были отныне иметь докторскую, степень. Срок же профессорской деятельности определялся в 25 лет, после чего предполагалась дополнительная баллотировка на следующие пять лет, которую затем можно было еще раз повторить. Таким образом, общий срок академической службы безусловно ограничивался 35-ю годами. Это было призвано обеспечить приток свежих сил в корпорацию. Для получения магистерской и докторской степеней теперь требовались представление печатной диссертации и ее публичная защита. Как отмечает прот. Г. Флоровский, это должно было устранить распространенный предрассудок об отсталости академической науки и дать возможность общения с наукой университетской. Интересно отметить, что еще в конце 50-х гг. XIX в. в СПбДА возникла мысль сделать академическое преподавание открытым и публичным, подобно университетскому. В отношении учебного процесса новым было, введение отделений. При общеобязательности определенной части предметов остальные были разделены на группы, по которым предполагалась дальнейшая специализация студента. Таких отделений было создано три: богословское, церковно-историческое и церковно-практическое.

Устав 1896 г. был значительным шагом вперед в деле организации высшей богословской школы, свидетельствуя о ее качественном постепе. Имел он одобрение и в церковно-научных кругах. Однако просуществовал он всего 15 лет. Атмосфера 80-х гг. оказалась неблагоприятной для русской духовной школы. Правда, новые охранительные тенденции не смогли уже остановить ее ученого и церковного роста: для этого ею был достигнут достаточно высокий научно-богословский уровень, что повлекло и соответствующее усиление ее общественного значения. Но все-таки деятелям русской церковной науки пришлось пережить немало неприятных минут в те годы, когда «Победоносцев над Россией простер свиные крыла», нередко больно задевая ими и Духовные Академии»¹².

Также объективная и аргументированная оценка дается новому Уставу в книге, специально посвященной вузовскому духовному образованию в России XIX — начала XX века: «Новый Устав духовных академий, утвержденный в 1869 г., ставил развитие науки в центр духовно-академической жизни. С одной стороны, был сделан акцент на специализации — преподавателей по кафедрам, студентов по отделениям и группам наук. С другой стороны, академиям была предоставлена возможность стимулировать развитие науки и распространять ее достижения. Одним из таких стимулов было жесткое соединение преподавательских должностей с учеными степенями: ординарный профессор должен был иметь

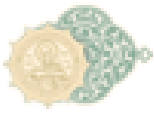
¹²Кирилл (Гундяев), архиеп. Указ. соч. С. 18.

степень доктора богословия, экстраординарный профессор и доцент — степень магистра богословия. При этом богословская наука выводилась из затвора: представленные на соискание ученой степени доктора и магистра диссертации после одобрения Советом академии должны были непременно печататься и публично защищаться. Профессора, занимавшие ординарные кафедры на момент введения Устава, должны были в трехлетний срок представить сочинения на соискание докторских степеней. Прочие преподаватели, не имевшие степени магистра богословия, обязывались в такой же срок представить магистерские диссертации. Таким образом, Устав побуждал членов духовно-академических корпораций не только усилить научную деятельность, но в скором времени представить на аттестацию ее конкретные результаты. Конечно, провести серьезное исследование за два-три года было практически невозможно. Надежды возлагались на то, что старшие преподаватели академий занимались научными исследованиями в академическом затворе, и теперь остается лишь предъявить результаты. Кое-какие результаты были, но некоторые из них вызывали сомнения в своей адекватности и требовали проверки. Но времени на осмысление и проверку не оставалось, и приходилось предъявлять рабочие выводы, которые, естественно, могли содержать ошибки. Первые послереформенные годы подтвердили эту опасность»¹³.

О новых ошибках и опасностях свидетельствуют следующие исторические факты, связанные, прежде всего, с защитой диссертаций в Духовных Академиях. «В ноябре 1872 года в Совет КДА была представлена диссертация ректора Академии архимандрита Филарета (Филаретова) “Происхождение книги Иова”. Совет признал диссертацию достойной степени доктора богословия, однако митрополит Киевский Арсений (Москвин), не отрицая научного достоинства работы в филологическом отношении, счел тон и выводы автора не соответствующими богодухновенному характеру Священного Писания. Необоснованным показалось изменение датировки книги, употребление слов и выражений, “неприличных и несвойственных боговдохновенному характеру” обсуждаемой книги — “комбинация, адвокатура, драма, прогресс, рельеф”, манера “изображать исторические факты”. Были и более существенные претензии: увлечение автора открытиями “отрицательной германской школы” библистики, не придававшей большого значения древним преданиям — иудейскому и христианскому. Все это, по мнению преосвященного Арсения, привело диссертанта к противоречиям с православным взглядом. Как пример подобного противоречия, преосвященный Арсений указывал на неверный перевод классического места (Иов 19:25–27): архимандрит Филарет, вслед за новыми западными экзегетами, пони-

¹³ Сухова Н. Ю. Вертоград наук духовный. Сборник статей. М., 2007. С. 149–150.

мал эти стихи как ожидание Иова “во плоти” увидеть Бога защитника на земле (когда Он “на земле явится”), а не в традициях древней Церкви, как проявление веры Иова в воскресение плоти и будущую жизнь (когда Он “устоит над прахом”, или “восторжествует над тлением”). Митрополит Арсений предлагал удостоить ректора Академии степени доктора богословия, но не допускать до публичной защиты, которая послужит соблазном для людей малосведущих и молодых ученых. Святейший Синод поручил архимандриту Филарету переработать диссертацию, однако диссертация так и не была защищена»¹⁴.

Однако, кроме научных проблем и теоретических ошибок, связанных с усовершенствованием научно-учебного процесса и общим развитием, реформа 1860–1868 годов дала свои ощутимые плоды. Например, всего за первый период, когда были открыты три Духовные Академии (Санкт-Петербургская, Московская и Киевская), в 1814–1869 гг. «в докторское достоинство было возведено 28 лиц (из них 4 получили звание доктора богословия *Νοτορίσ Сауса*)»¹⁵, в числе последних были и два Филарета, оба сейчас причислены к лику святых. Святитель Филарет (Дроздов) канонизирован Русской Православной Церковью, а святитель Филарет (Амфитеатров) канонизирован Украинской Православной Церковью.

Имеется следующая статистика относительно 1870–1880-х годов: «В целом преобразование духовных академий заметно пробудило учебную деятельность в преподавателях. Всего за период действия Устава 1869 года во всех духовных академиях было присуждено 39 докторских степеней. “Второй волной” докторских диссертаций — после 1874 года — были новые исследования, представлявшие уже результаты деятельности пореформенных академий. Работы были разного направления, жанра, но в целом все они свидетельствовали о расширении эрудиции ученых-богословов, самостоятельной работе с источниками, попытках применения научно-критических методов, иногда плодотворных, иногда недостаточно компетентных. Магистерские диссертации, ставшие полноценными научными работами, вызывали серьезные научные дискуссии, иногда открывали новое направление в русских богословских исследованиях. Всего за период действия Устава 1869 года во всех духовных академиях были присуждены 73 магистерские степени»¹⁶.

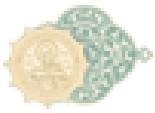
III

Историческая эпоха научной и церковной деятельности Духовных Академий за период воплощения в жизнь идейных и практических вопросов реформ 1869 и 1884 годов, как показал дальнейший ход госу-

¹⁴Там же. С. 150–151.

¹⁵Там же. С. 53.

¹⁶Там же. С. 77–79.

дарственных и церковных дел, требовала не только социально-общественной полемики, но и богословско-философского анализа событий, разных и различных подходов ко всем сферам научного и религиозного бытия, а главное, требовалась глубокая и осмысленная концепция научно-философского, религиозно-исторического синтеза того, куда, в каком направлении, движется Русь Святая и Россия императорская, причем, последнее прилагательное слово употребляю в положительно-историческом контексте, во взаимосвязи с Православной религией и восточным христианством. К сожалению, разрешению этих вопросов и проблем помешали события 1917–1920-х годов. Это не означает, что вопросы не ставились, ответы не находились. Просто были нарушены традиции векового христианства, были подрезаны корни Православной Руси и восточно-христианской духовности.

Вопросы были поставлены, ответы находились в процессе становления. Жизнь, в том числе и исторического, религиозного общества и обществ, стремилась к духовному обновлению и реформированию, однако, к сожалению, пришли бунты и перевороты, революции и обновленчество. Сейчас, как и раньше, в конце XIX — начале XX столетий, вопросы и ответы обсуждаются открыто... Как-никак, на дворе уже XXI век.

«Предыдущая эпоха деятельности духовных академий — процесс разработки и проведения реформ 1869 и 1884 гг. — позволила сформулировать несколько ключевых вопросов, определяющих важнейшие черты научно-образовательной концепции. Взаимосвязь этих вопросов и последовательность их решения имеет различные версии, поэтому представим структуру, удобную для нашего рассмотрения.

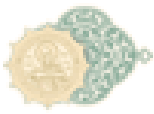
Первая группа вопросов охватывала область учебную:

1) Каковы цель и задачи высшего духовного образования, к каким принципам деятельности должны готовить академии своих выпускников? И неизбежный обратный вопрос: исчерпывает ли наличная высшая духовная школа — академии — все задачи, возлагаемые на высшее богословское образование, или необходимы высшие богословские школы иных типов, заменяющие академии или существующие параллельно?

2) Каков должен быть состав наук, преподаваемых и научно разрабатываемых в духовных академиях?

3) Каков должен быть состав богословских наук, составляющих фундаментальное (базовое) высшее богословское образование, необходимое для каждого студента? Должны ли все богословские науки быть равноценны по своему значению или должна быть введена их иерархия, выраженная, в частности, в количестве выделенных им часов, числе преподавателей и т.д.?

4) Следует ли вводить в академическое образование специализацию, то есть выделять какие-либо группы наук для изучения студентами

по выбору? Если да, то каков должен быть принцип выделения направлений специализации, формирования состава предметов в них, каким курсам специализация должна предлагаться?

5) Если в академиях должны быть сохранены общеобразовательные («светские», небогословские) науки, то какие именно, какие из них должны быть общеобязательны, какие — предлагаться отдельным группам студентов? Должно ли преподавание этих наук в духовных академиях иметь специфику в сравнении со светской высшей школой?

6) В чем заключается методологическая специфика преподавания богословия в целом и отдельных его направлений?

Второй областью деятельности, которая самими корпорациями с конца XIX в. дерзновенно называлась основной для высшей духовной школы, была разработка науки. Развитие науки невозможно было определить уставным образом, но чрезвычайно важен был вопрос организации научной деятельности и ее введения собственно в деятельность академий. Опыт XIX века и те проблемы, с которыми столкнулись ученые-богословы, привели к выделению и в этой области конкретных вопросов, требующих обсуждения:

1) Структура научного богословия, то есть принцип выделения самостоятельных направлений научного развития и их взаимосвязь, а также «внешняя граница» богословия — определение места богословия в системе наук и его отношения с «пограничными» гуманитарными науками.

2) Разработка методологии богословской науки в целом, допустимость включения в нее методов других наук, осмысление специфики методов исследований в конкретных областях научного богословия.

3) Совершенствование системы научно-богословской аттестации, выработка критериев и определение статуса научно-богословских исследований; общая тема была отягощена и конкретными вопросами — научная аттестация небогословских исследований членов духовно-академических корпораций и публичные защиты научно-богословских диссертаций.

4) Проблема взаимосвязи теоретического богословия и актуальных проблем церковной жизни.

Наконец, третьей группой вопросов, которые неизбежно надо было решать для актуализации учебной и научной деятельности академий, были вопросы, связанные с «введением» в эту деятельность студентов. Опыт проведения духовно-учебных реформ XIX века показал, что без решения этих вопросов самые светлые идеи не могут приносить благих плодов. Этот же опыт позволил выделить наиболее болезненные моменты в этой области:

1) Как активизировать студенческие знания, то есть организовать систему практических занятий, самостоятельные занятия студентов

и их контроль, определить количество и задачи письменных работ студентов — семестровых сочинений проповедей, квалификационных работ?

2) Следует ли на старших курсах академии вводить особую систему преподавания, то целенаправленно готовить выпускников к дальнейшей деятельности церковной, научной, педагогической?

3) В какой степени должны сами студенты участвовать в формировании своего образования, то есть какова должна быть степень их свободы в выборе направления, дополнительных предметов, вспомогательных предметов, семинаров и т. д.?

4) Каким образом должна быть организована подготовка преподавательских и научных кадров для самих академий? Неудовлетворенность обеими вариантами такой подготовки, опробованными во второй половине XIX в. институтом приват-доцентов и профессорским стипендиатством побуждала обратить особое внимание на эту проблему»¹⁷.

Сущность полемики по вопросу о богословском образовании в 1905–1906 и 1909–1917 годах, сводилась не только к методологии преподавания, но и к вопросу онтологии определения вуза: что есть Духовная Академия? Каковы ее цели, задачи и перспективы в целом? Есть ли у наших Академий духовный запас прочности? Для меня ответ очевиден: и есть и будет! Причем, заметим, что ретроспектива (духовно-философская и церковно-историческая) вопроса переходит в перспективу ответа.

«Начальным моментом каждого обсуждения, выявляющим взгляды собеседников, становился вопрос о целях и задачах академий. Этот вопрос всегда был проблемным, но последние сорок лет деятельности академий дали столь богатый опыт успехов, неудач и противоречий, что возникла насущная необходимость более четко, осмысленно и реально определить, какие из многочисленных обязанностей высшей духовной школы являются сущностными, какие — исторически сложившимися. Разнообразные задания, которые адресовались духовным академиям и бывали чрезвычайно сложны для выполнения, ставили вопрос о корректировке типа высшей духовной школы или, возможно, восполнении этой системы школами иного типа, более адекватно отвечающим тем или иным запросам»¹⁸.

Важным представлялось обсуждение вопроса о сути, сущности реформ, о том, что составляет сердцевину, ядро концепции богословского образования в будущем.

«Вопросы о составе академических кафедр, структуре и содержании образования каждого студента составляли ядро каждое учебной концепции и вызывали при всех обсуждениях наиболее горячую полемику. Вторая половина XIX в. продемонстрировала реализацию двух альтернатив-

¹⁷ Там же. С. 103–106.

¹⁸ Там же. С. 106.

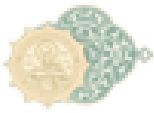

ных вариантов решения этих вопросов — Уставами духовных академий 1869 года и 1884 года. С одной стороны, диалог их учебных концепций создавал “поле напряжения”, неизбежно определяющее дискуссии, с другой стороны, эти Уставы, при всех своих несовершенствах, предоставили “банк идей”, с использованием которых можно было строить более удачные духовно-учебные модели. Но к началу XX века обсуждение проблем, связанных с высшим богословским образованием, испытало и дополнительное влияние. Зарубежные научные командировки, инициированные реформой 1869 года, позволили многим членам духовно-академических корпораций познакомиться с европейским богословским образованием, принять участие в учебном процессе университетов Германии, Франции, Италии. Это дало новый стимул к оценке успешности и плодотворности российской духовно-учебной системы и отдельных ее элементов, а также открыло перспективы, выходящие за границы привычных понятий и реально опробованных вариантов организации учебного процесса. Эта двойная палитра проявилась уже в проектах, составленных академиями в 1905 году, и их обсуждении на Предсоборном Присутствии.

Общей чертой проектов 1905 года в учебных положениях было развитие или углубление идей Устава 1869 года, как они понимались основной частью корпораций, с исправлением ошибок и недоработок этого Устава. Авторы единодушно настаивали на сохранении имеющихся и открытии новых кафедр, предусматривал и введен не специализации по богословским предметам, делами особый акцент на научной стороне деятельности академии. Проявился в проектах и учет ошибок Устава 1869 года — ущербности общеподготовительного образования и отсутствия структурообразующих идей в составе отделений. В общеобязательный курс теперь включались основные богословские науки, а направленность отделений обосновывалась. Но в развитии этих общих идей было некоторое разнообразие.

Так, например, три из четырех академий (СПбДА, КДА и КазДА) вводили по три отделения (в Казанском проекте есть и четвертое, миссионерское). Совет СПбДА предлагал богословско-философское, церковно-историческое и словесное отделения, с обоснованием — христианство, по мнению авторов, может быть изучаемо с трех сторон: 1) как идея, логически развитая система; 2) как положительный факт, засвидетельствованный исторически; 3) как словесное творчество, зафиксированное в соответствующих памятниках. Проект КДА предлагал те же отделения — богословско-философское, богословско-историческое и богословско-словесное, но при этом делал печальное заключение о невозможности предложить твердые принципы такого деления при единстве богословия»¹⁹.

¹⁹Там же. С. 111–112.

Что же входило в круг общеобразовательных дисциплин?

«Совет КДА включал в общеобязательный курс: 1) Священное Писание Нового Завета, 2) церковную историю до разделения Церквей, 3) патрологию, 4) догматическое богословие, с историческим изложением догматов, 5) нравственное богословие, 6) историю Русской Церкви, 7) церковное право, 8) историю философии, 9) еврейский язык, 10) один из древних языков и его словесность, 11) один из новых языков»²⁰.

Не входя в детальный анализ тех проектов, которые рассматривались до 1917 года, следует констатировать, что проект 1910–1911 годов был неудачным из-за главной проблемы, которая называется «многопредметностью». Отсюда идет и общее недовольство, и частная критика, которые докатились до конца XX века²¹.

Учитывая мнение тех свидетелей, которые жили в эпоху реформ и оставили нам свои живые зарисовки как сцен быта, так и прорехи в системе духовного образования до 1917 года, приведем мнение ученого автора, который указывает, какие были наиболее крупные изъяны дореволюционной системы духовного образования:

«1. Учебный курс характеризовался фрагментарностью и “многопредметностью”, лишавшей студентов возможности глубоко и детально изучить богословскую науку в ее целокупности; сумма учебных дисциплин, входящих в куррикулум духовной школы, не выстраивалась в единую мировоззренческую картину.

2. Методом усвоения учебного материала было его механическое зазубривание; материал предлагался в готовом виде, с заранее сделанными преподавателем выводами; самостоятельное осмысление студентом учебного материала не предполагалось.

3. Не поощрялась самостоятельная работа, отсутствовал творческий подход к учебе, не приветствовалась студенческая инициатива, что являлось следствием недоверия к студенту со стороны руководства школы и преподавателей.

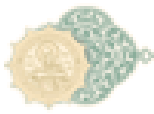
4. Духовная школа была оторвана от реальности; оставаясь замкнутым мирком, живущим по своим законам, она не давала учащимся той жизненной школы, которая была им необходима для будущего пастырского служения.

5. Преподавание строилось на схоластических образцах, унаследованных от “латинообразных” духовных семинарий петровской эпохи; преодоление схоластического наследия происходило крайне медленно.

6. Между профессорско-преподавательской корпорацией и студентами существовала стена отчуждения, которую лишь очень немногим

²⁰ Там же. С. 113.

²¹ См.: Иларион (Алфеев), иером. Православное богословие на рубеже эпох. Статьи, доклады. М., 1999. С. 122–188.

преподавателям удавалось преодолеть; наставники редко пользовались уважением студентов.

7. Взаимное недоверие существовало между инспекцией и студентами; процветало самоуправство инспекции; поощрялось доношительство.

8. Система обеспечения дисциплины держалась на порочном принципе “власти товарища над товарищем”; помощники инспекторов из числа учащихся пользовались почти неограниченной властью, развращавшей как их самих, так и других студентов.

9. Личность студента не уважалась администрацией духовных школ; личные контакты между администрацией и студентами были сведены к минимуму; даже в случае исключения из семинарии студента могли не вызвать для личной беседы с руководством школы.

10. Жесткий контроль за внешними аспектами поведения учащегося, сочетавшийся с полным невниманием к его внутреннему миру, был неспособен искоренить в духовной школе даже такие грубые пороки, как пьянство и разврат; запрет на развлечения способствовал тому, что студенты искали возможности “отвести душу” вне стен духовной школы, допуская недопустимые с нравственной точки зрения поступки.

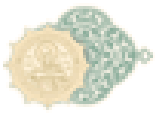
11. Монашеское присутствие в духовной школе не всегда носило позитивный характер; нередко возникало непонимание между монашествующими, занимавшими ответственные должности в семинарском правлении, и студентами, готовящимися к вступлению в брак; наличие монахов в составе инспекции духовной школы (“иеромонахов для полицейских функций”) отнюдь не способствовало росту авторитета монашества среди студентов.

12. Постоянный контроль за неукоснительным посещением богослужения и поведением учащихся в церкви не способствовал возрастанию в них истинно христианского благочестия; принуждение студентов к исповеди и Причастию приводило к утрате благоговения перед этими таинствами; внешнее формальное благочестие нередко соседствовало у студентов с внутренним цинизмом.

13. Отсутствие в kurikulumе духовной школы такого предмета, как литургическое богословие, которое бы объясняло смысл богослужения, тоже не способствовало сознательному восприятию церковной службы.

14. Всей системой воспитания на учащихся оказывалось мощное психологическое давление, которое во многих случаях превышало пределы их духовной и нравственной выносливости; для некоторых учеба заканчивалась оставлением духовной школы, уходом из Церкви, потерей веры в Бога и даже — в исключительных случаях — самоубийством»²².

²²Там же. С. 189–191.

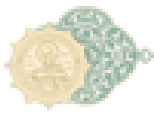
Одной из основных причин, почему пробуксовывали реформы, была сложившаяся система духовного образования. Причем, причина идейной борьбы в академическом Совете лежала не во внешнем руководстве, или лучше сказать не только в нем, имеем в виду личность обер-прокурора, но в представителях тех идейных блоков, которые высказывали и боролись, стоя на разных позициях. Об этом очень убедительно сказано в исследовании В. А. Тарасовой: «Анализ требований к реформированию высшей духовной школы, которые выдвигались в конце XIX — начале XX вв., позволил выделить три спорящих группы, а, следовательно, три пути, которые должны были определить будущее православных духовных академий в России. Назовем их условно “автономисты”, “охранители” и “неопатристы”. Необходимо заметить, что, говоря о сторонниках и противниках или о новаторах и консерваторах реформирования высшей духовной школы, надо иметь в виду, что речь не может идти о каких-то непримиримых лагерях, состоявших из носителей прямо противоположных убеждений. Среди тех, кого условно можно назвать “автономистами”, встречались, конечно, лица чрезмерно увлеченные, высказывавшиеся за полную автономию высшей духовной школы, однако в большинстве своем они осознавали неизбежные трудности, стоящие на пути реализации идеи автономии. Многие представители “охранителей” действующего академического законодательства также не склонны были идеализировать состояние духовных академий и разделяли обеспокоенность низким образовательным уровнем студентов академий, изолированностью богословской науки от духовных запросов современного общества, сословной замкнутостью академических корпораций. Некоторые “охранители”, так же как и “автономисты”, защищали идеи свободы богословской науки и преподавания, хотя и были противниками автономного административного устройства»²³.

К особому разделу должно быть отнесено рассмотрение вопроса повестки дня Поместного Собора РПЦ 1917–1918 гг., которая занималась организацией учебного процесса. Проект Академии, выработанный Комиссией представителей Духовных Академий, которая в срочном порядке была созвана весной 1917 года. Проект Устава 1917–1918 гг. был одобрен Поместным Собором в 1918 году, на второй сессии, 12 (25) апреля.

IV

Подводя предварительный итог всему вышесказанному, следует отметить, что «дискуссии первых десятилетий XX века по духовно-учебным и научно-богословским проблемам были очень активны, напря-

²³Тарасова В. А. Высшая духовная школа в России в конце XIX — начале XX века. М., 2005. С. 324.

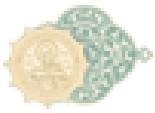
женны и в определенном смысле плодотворны. С одной стороны, был осуществлен синтез опыта, накопленного высшей духовной школой за 110 лет, хотя иногда синтез подменялся механическим соединением высказанных ранее идей, без критической оценки. С другой стороны, была попытка решить актуальные проблемы, поставленные перед духовной школой определенной временной обстановкой (вопросы “настоящего дня”). Эпоха ставила эти вопросы очень энергично, и не было времени для оценки их значимости, поэтому иногда ответ на эти вопросы включался в набор положений, не обусловленных временем. Но высшая духовная школа, несмотря на некоторую увлеченность настроениями времени, актуализировала и в этих решениях свой многолетний опыт, и дала пример его преодоления на конкретную церковно-общественную ситуацию. Наконец, в дискуссиях начала XX в. были высказаны новые идеи, нацеленные на перспектив, и требующие опытной проверки. Составленный в эти годы банк идей так или иначе, непосредственно или конструктивно, может быть использован современной высшей богословской школой»²⁴.

Можно смело утверждать, что КДА в конце XIX — начале XX столетий своими отдельными достижениями явила ученому миру стадию высшего богословско-исторического синтеза.

Богословскую академическую науку прославили такие имена, как святители Иннокентий (Борисов, 1800–1857), Феофан Затворник (1815–1894), священномученики Анатолий (Грисюк, 1880–1938) и Александр Глаголев (1872–1937), митрополит Макарий (Оксиук, 1884–1961), архиепископ Василий (Богдашевский, 1861–1933), архиепископ Димитрий (Ковальницкий, 1839–1913), священник Василий (Прилуцкий, 1882 — ?), архиепископ Тихон (Лященко, 1875–1945), профессора В. Ф. Певницкий (1832–1911), С. А. Епифанович (1886–1918), В. З. Завитисевич (1853–1927), протоиерей И. Корольков (1845–1928), В. И. Экземплярский (1875–1933), П. П. Кудрявцев (1868–1940), П. И. Линицкий (1839–1906), Н. К. Маккавейский (1864–1919), Аким Алексеевич (1842–1907) и Маркелл Алексеевич (1848–1905), Ф. С. Орнатский (1849 — ?), Н. И. Петров (1840–1921), В. П. Рыбинский (1867–1944), С. М. Сольский (1834–1900), А. А. Соколов (? — 1921).

Церковно-историческую науку прославили следующие выдающиеся личности: профессор И. И. Малышевский (1828–1896), член-корреспондент императорской Академии наук А. А. Дмитриевский (1856–1929), протоиерей Петр Лебединцев (1819–1896), П. А. Лашкарев (1833–1899), С. Т. Голубев (1848–1920), А. И. Булгаков (1859–1907), протоиерей Федор Титов (1864–1922), М. Э. Поснов (1873–1931), М. Н. Скабалланович (1873–1931).

²⁴ Сухова Н. Ю. Указ. соч. С. 141.

Одного перечисления этих славных и выдающихся имен явно недостаточно, чтобы представить себе ту высоту синтеза академического богословия и церковно-исторической науки, вклад в который явила всему миру Киевская Духовная Академия.

Мы уже говорили о вкладе КДА в формирование русской богословской догматической школы. Важным направлением академической науки, получившим особое развитие в XIX — начале XX столетий, была литургика и церковная археология.

Сейчас трудно себе даже представить такого корифея, который, без компьютера, без выхода в Интернет, только с помощью пера, бумаги и личной головы («профессорской», если можно и будет позволительно, так выразиться, головы), которая заменяла тогда все ЭВМ и была носителем всей доступной информации, в том числе и зарубежной.

Таким богословским корифеем и великим тружеником литургической науки, благодарным учеником (в то время других учеников, кроме благодарных и преданных, почти не было) профессора Казанской Духовной Академии Николая Фомича Красносельцева (†1889) был Алексей Афанасьевич Дмитриевский. Каких только титулов и научных имен не удостоивался этот величайший историк!

«Это — лучший и наиболее компетентный в России литургист, заслужено снискавший имя “русского Гоара” колоссальными, прекрасно комментированными изданиями и известный многими другими капитальными сочинениями»²⁵.

Знаменитый учитель нескольких поколений ученых-литургистов, кафедру в КДА занимал с 1884 по ноябрь 1907 года, хотя, переехал в Петербург еще в 1906 году для участия в Предсоборном Присутствии. Профессор Дмитриевский был ученым «с мировым именем»²⁶.

Имя «русский Гоар» Алексей Афанасьевич заслужил по праву и по достоинству за великие труды по собиранию и изданию греческих литургических текстов Типикона и Евхология. Первая научная работа будущего профессора явно указала на тот научный круг вопросов, который будет занимать его всю последующую жизнь, а именно «Богослужение в Русской Церкви в XVI веке». Это кандидатское сочинение было написано по рукописным первоисточникам ценнейшего фонда Соловецкого монастыря, который получила в этот период Казанская Духовная Академия, а также неизданным материалам из собственной библиотеки профессора Красносельцева. Ученый также пользовался советами и библиотекой профессора канонического права А. С. Павлова.

²⁵ Губоковский Н. Н. Русская богословская наука в ее историческом развитии и новейшем состоянии. М., 2002. С. 108.

²⁶ Никодим (Ротов), митр. Благословенный юбилей // Богословские труды. М., 1975. Сб. 13. С. 6.

Еще учась на четвертом курсе Академии, Дмитриевский занялся переработкой своего кандидатского сочинения в магистерское на ту же тему. Оно увидело свет в Казани в 1884 году²⁷. Профессор Красносельцев в своем отзыве на эту книгу назвал работу Алексея Афанасьевича «весьма солидным вкладом в науку археологии вообще и археологии православного богослужения, в частности, как по новостям и обилию обработанного материала, так и по характеру обработки... вполне научному», отметив редкое трудолюбие автора, который «дал исследование особенностей русского богослужения от начала его до конца XVI в., по рукописям XVI века»²⁸.

В статье Б. И. Сове (1899–1962) указаны ценные детали магистерской защиты Дмитриевского, которая состоялась 11 декабря 1883 года: «Молодой энтузиаст использовал для своей диссертации до 200 славяно-русских, 30 южнославянских и 70 греческих рукописей, предварительно изучив греческую палеографию»²⁹.

С 1884 года Алексей Афанасьевич возглавил в КДА кафедру Литургики и Церковной археологии, на которой трудился 23 года (ушел в отставку в ноябре 1907 года, получив звание заслуженного профессора)³⁰.

В 1895 году свет увидел монументальный научный труд нашего героя и труженика, посвященный описанию литургических рукописей, хранящихся в библиотеках Православного Востока³¹. Одно лишь перечисление Патриарших уставов и монастырских Типиконов, впечатляет масштабом проделанной работы. Профессор Дмитриевский изучил в рукописях ряд ценнейших византийских литургических памятников, относящихся к IX–XIII векам. Кроме того он рассмотрел девять греческих типиконов, хранящихся в западных библиотеках (Рим, Турин, Вена, Крипта-Феррата)³². В 1896 году Казанская Духовная Академия удостоила Дмитриевского за первый том его «Описания» степени доктора церковной истории, а в конце 1896 года Совет КДА, по представлению профессоров Малышевского, Певницкого и Сольского, сразу же избрал Дмитриевского «ординарным профессором, миновав экстраординатуру (с 29 ноября)»³³.

²⁷ Дмитриевский А. А. Богослужение в Русской Церкви в XVI веке. Ч. 1: Службы круга седмичного и годичного и чинопослелования таинств. Историко-археологическое исследование с приложениями. Казань, 1884.

²⁸ Цит. по: Сове Б. И. Русский Гоар и его школа // Богословские труды. М., 1968. Сб. 4. С. 41.

²⁹ Там же. С. 41.

³⁰ Православная энциклопедия. М., 2007. Т. 15. С. 431.

³¹ Дмитриевский А. А. Описание литургических рукописей, хранящихся в библиотеках Православного Востока. Т. 1. Ч. 1: Памятники патриарших уставов и ктиторские монастырские Типиконы. К., 1895.

³² Подробнее об этом см.: Сове Б. И. Указ. соч. С. 54–56.

³³ Там же. С. 57.

Проф. Дмитриевским была создана Киевская школа русских литургистов, о научных достижениях которой ярко свидетельствуют научные достижения учеников Алексея Афанасьевича. Среди них были профессор, доценты и преподаватели, например, Н. Н. Пальмов, протоиерей Корнилий Кекелидзе, протоиерей Василий Прилуцкий и, конечно же, заслуженный профессор Ленинградской Духовной Академии, кандидат искусствоведения, доктор церковной истории Николай Дмитриевич Успенский, более 60-ти лет трудившийся на педагогическом и научном поприще, получивший от своего великого учителя ласковое прозвище: «мой Вениамин»³⁴ и создавший уже в новейшее время в Ленинградской Академии школу исторической литургики.

Уже упоминаемый нами протоиерей В. Прилуцкий, принимая участие в Священном Соборе Православной Российской Церкви 1917–1918 годов, сделал доклад по проблемам Типикона, который не потерял ни своей богословской актуальности, ни своих церковно-исторических акцентов³⁵.

В настоящее время нет особой нужды говорить о той трепетной любви, особом научном вдохновении и волевой свободе к богословскому творчеству, которые явились движущими этапами в истории русской дореволюционной библистики. Что касается КДА, то здесь особый вклад в развитие библейских исследований сделал профессор священник А. Глаголев, священномученик Анатолий (Грисюк), архиепископ Василий (Богашевский).

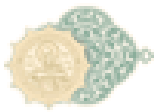
Отец Александр Глаголев (1872–1937) в 28 лет защитил в КДА свою превосходную магистерскую диссертацию «Ветхозаветное Библейское учение об Ангелах» (1900). Он знал 18 языков и в конце жизни учил еще и итальянский. Энциклопедист-богослов, знавший, казалось, все на свете, защищавший всех бедных и обиженных, бывший экспертом на судебном процессе по делу Бейлиса, зато не пожелавший защитить себя на своей личной Голгофе. Его жизнь и мученический подвиг стали символом-победой христианской «Купины неопалимой». Чем не пример сегодняшнему поколению богословов?!

Отец Александр Глаголев, митрополит Анатолий (Грисюк) и множество других воинов Иисуса Христа, были не только учеными свидетелями Божественной Истины, но и героями Духа наследниками Царствия Божия, Царствия Веры, Надежды и Божественной Любви.

Относительно научных достижений кафедры Священного Писания Нового Завета, ярким свидетельством служит педагогическая и научная деятельность знаменитого дореволюционного богослова,

³⁴ Никодим (Ротов), митр. Указ. соч. С. 5.

³⁵ Прилуцкий В. А., проф. О непорядках в современной богослужебной практике // Богословские труды. М., 1998. Сб. 34. С. 297–298.

церковного писателя и экзегета, профессора архиепископа Василия (Дмитрия Ивановича Богdashевского, 1861–1933). Будучи глубоким знатоком древних языков, первоклассным переводчиком с греческого, латинского и древнееврейского, профессор Богdashевский был основательно знаком с западной научной литературой по Священному Писанию Нового Завета.

Во введении к своей докторской диссертации «Послание святого апостола Павла к Ефесянам. Исагогико-экзегетическое исследование» (Киев, 1904), будущий архиепископ сказал следующее о своих научных принципах и богословском методе творческой работы:

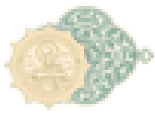
«Экзегезис должен утверждаться на филологии, носить... критический характер... При внимательном изучении обширной западной литературы... нашими всегдашними руководителями в решении труднейших исагогических и экзегетических вопросов были отцы и учителя Церкви». По словам владыки Василия он «больше всего чужд какого бы то ни было так модного теперь оригинальничанья и везде старался держаться строго научной положительной точки зрения оправдываемой историческим церковным преданием»³⁶.

С позиций церковно-исторической науки важной является также магистерская диссертация профессора Богdashевского «Ажеучители, отличающиеся в Первом послании апостола Иоанна» (Киев, 1890), где им были поставлены важные вопросы историко-философского характера, например, о генезисе развития и о психологическом характере первых ересей. На наш взгляд, вопросы, поднятые магистрантом, имели свое творческое продолжение в докторской диссертации профессора М. Э. Поснова «Гностицизм II века и победа Христианской Церкви над ним» (К., 1917).

Замечательным педагогом, богословом и церковным историком был профессор Николай Корнильевич Маккавейский (1864–1919), а его магистерская работа «Археология истории страданий Господа Иисуса Христа» (Киев, 1891), представляет не только ценность, но и насущную необходимость и для современных богословов, историков, а для курсоводов Святой Земли, по их же признанию, является настольной книгой-справочником.

Действительно, дивную плеяду научных тружеников, профессоров богословия и докторов церковной истории взрастила славная Киевская Духовная Академия. Это были гиганты духа и мысли, люди сильной воли и высокого, не просто орлиного, но богословски заоблачного, духовно-нравственного и аскетически-небесного полета мысли, энциклопедически-научного объема, глубины и широты религиозного оазиса, райского

³⁶ Цит. по: Мень А., прот. Библиологический словарь. М., 2002. Т. 1. С. 186. См. также: Православная энциклопедия. М., 2004. Т. 7. С. 77.

материка, который называется «духовным богословием», «фаворской наукой православного света»!..

Они не просто мастерами владели пером, были профессиональными специалистами в области богословия, философии, филологии, археологии, истории, психологии и литературы. Их слова, дела и мысли способны увлечь за собой даже самого заскорузлого материалиста, чистого прагматика и формально-логического схоласта.

Это были духовно-физические творцы, идеалисты до мозга костей, ученые праведники. Они сейчас зовут нас к творческим вершинам, они увлекают идеями, мыслительным и психологическим процессом, религиозной нравственностью и православным аскетизмом.

Обращаясь к святым отцам, к их духовному подвигу и богословскому наследию, мы должны проникнуться не столько их знаниями античной философии, должны следить не столько за логикой их мысли и словесной риторикой, не только включить всю силу своей рацио-мысли, сколько кардио-души, свой внутренний дух.

Еще в 1841 году Святейший Синод определил ввести во всех трех Академиях (Петербургской, Московской и Киевской) особый предмет — патристику. С этого времени начинается в КДА развитие патрологической науки. Особым вкладом Киевской Академии в изучение святоотеческого наследия стал перевод с латыни творений западных отцов Церкви (Тертуллиана, Арнобия, блаженных Иеронима и Августина, Киприана Карфагенского). Эти святоотеческие переводы издавались в серии «Библиотека Творений святых отцов и учителей Церкви, западных» и составили в истории КДА целую эпоху, увековечив и целую плеяду переводчиков, таких например, как архиепископ Василий (Богдановский), Н. Н. Щеглов, К. Д. Попов и другие.

Среди патристических звезд первой величины следует указать профессора К. И. Сворцова, который читал в КДА патристику с 1857 года. Его перу принадлежит известное исследование, посвященное периоду апологетов³⁷. Вторым важным произведением профессора К. И. Сворцова была его докторская диссертация «Исследование об авторе сочинений, известном под именем святого Дионисия Ареопажита», которую он защитил в 1871 году.

Во введении к своему труду о философии отцов Церкви профессор Сворцов объясняет справедливость термина «философия» применительно к святым отцам: «Под именем философии отцов и учителей Церкви мы разумеем те попытки, которые они делали для того, чтобы или из начал разума объяснить предметы веры, или же при свете божественного откровения созерцать предметы знания.

³⁷ Сворцов К. И. Философия отцов и учителей Церкви. Период Апологетов. К., 1868.

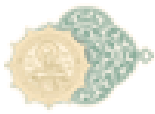
Если же так, то философия отцов: 1) есть нечто отличное от философии в строгом смысле слова. Потому, что философии свойственно искать истины; а христианство уже имеет эту истину в откровении. Философия стремится путем разума достигнуть знания высочайших предметов; а христианство старается только из начал разума объяснять и защищать откровенное учение об этих предметах, почитая откровение совершеннейшим проявлением божественного разума. 2) Существенно отлична от философии еретической, которую обыкновенно, но несправедливо называют христианскою. Еретики почитали философию целью и жертвовали для нее христианским учением, преобразуя его в угоду той или другой системы; но отцы Церкви смотрели на откровенную мудрость как на неприкосновенную святыню, и принимали только те философские идеи, которые казались им не противными этой мудрости. Если некоторые из христианских писателей не всегда верно следовали руководству церкви при рассуждении о предметах знания, то это было следствием затрунтливости обстоятельств; это была ошибка, а то намеренное противление церкви.

Мы сказали, что христианская философия стремится из начал разума объяснить предметы веры, а предметы знания рассматривает при свете откровения. Таким образом, вера во Христа есть тот центр, к которому отцы Церкви и христианские писатели хотели обратить все взоры человеческой мудрости, все похвальные стремления людей. К этому центру они старались свести все пути, по которым идет человечество к истине и добру, как бы ни были эти пути различны и даже, по-видимому, противоположны. Справедливо сказал Шеллинг, что «Христос есть не Учитель и Основатель только, как обыкновенно говорят; но самое содержание христианства». Учение об Иисусе Христе у отцов Церкви тесно связано с учением о триничности Лиц Божества, с учением о природе, происхождении, цели мира и человека. И потому все опыты христианского философствования могут быть иначе названы попытками «представить лице Искупителя в связи со всем существующим».

Но такая цель не только не подавляет деятельности нашего разума; но может возвышать разум, распространять его границы и вводить его в совершенно новые области. И потому справедливо говорят, что история христианства есть история нового творения в области разума и сердца, история развития самых высоких идей и самых могучих сил в человечестве»³⁸.

Известными и заслуженными личностями были Блаженнейший митрополит Макарий (Михаил Федорович Окснюк, 1884–1960) и «талантливый и очень знающий» (по выражению архимандрита Киприана Керна) Сергей Леонтьевич Епифанович (1886–1918), которого А. Прахов

³⁸ Там же. С. I–II.

сравнил с В. В. Болотовым, по его глубинному проникновению в суть богословия и беспримерной в русском богословии самостоятельности работы³⁹. Главный труд владыки Макария посвящен эсхатологии святителя Григория Нисского⁴⁰, а профессор Епифанович известен, прежде всего, как исследователь творчества преподобного Максима Исповедника⁴¹.

V

Жизнь и творчество митрополита Макария (Оксиюка) и С. А. Епифановича убедительно и ярко засвидетельствовали, что творческий богословско-философский синтез возможен. Возможности этого православно-богословского синтеза связаны не только с личным подвигом, но и со средой обитания. Но главное, что этот синтез возможен лишь в постоянной взаимосвязи индивидуальной личности со своим Божественным Творцом. Средой обитания была, есть и будет не столько семья и школа, что, конечно, весьма существенно, но то духовное воспитание и нравственное возрастание, которые своими живительными корнями уходят в глубь церковной соборности, в Таинства Святого Православия и в Святость Божественной Евхаристии.

Мы полностью согласны с тезисом о том, что вдохновенный призыв протопиера Георгия Флоровского к «неопатристическому синтезу» до сих пор остается лишь призывом. Однако, призыв нужно услышать и за призывом нужно идти. Более того, по нашему глубокому убеждению, все, что было сделано нашими Духовными Академиями до революционных потрясений, эти духовно-богословские труды рано ли, поздно ли, все равно приведут Православие к духовному совершенству — синтезу.

Конечно, «синтезу должны предшествовать годы кропотливого анализа». В этих словах заключена святая правда. Кроме того, революционные потрясения — «землетрясения» основ фундамента и здания Святой Руси, поколебали не только нравственность, но и веру народа.

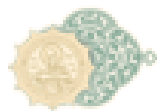
Опыт исторического прошлого КДА, опыт ее философско-этического анализа и вдумчивого подхода к прошлому и настоящему, способен обогатить всякого, стремящегося к соприкосновению и обогащению с этим положительным духовным опытом прошлого. Прошлое учит, обогащает нас, делает знающими Истину и свободными.

В этом знании опыта прошлого есть залог успеха в будущем. Историческая КДА, как эпоха среди другого времени и как явление в жизни

³⁹ Сидоров А. И. Курс патрологии. Возникновение церковной письменности. М., 1996. С. 41.

⁴⁰ Оксиюк М. Эсхатология св. Григория Нисского. Историко-догматическое исследование. Киев, 1914. См. также его ценную статью «Теопасхитские споры» в: Киево-Могилянский сборник. К., 1913. С. 396–426.

⁴¹ См.: Епифанович С. А. Прп. Максим Исповедник и византийское богословие. М., 1996; Он же. Материалы к изучению жизни и творений прп. Максима Исповедника. К., 1917.

государства и общества, заняла свое особое место и внесла свой феноменальный вклад в историю Церкви, религии, культуры и нравственности.

КДА — целая духовно-историческая планета со своими немеркнущими звездами, среди которых есть и святые заступники. КДА — это целый, огромный духовно-физический и богословско-исторический архипелаг. КДА — это школа-феномен, религиозно-философский и богословско-нравственный феномен, особое историческое явление религиозно-общественного, православного уклада жизни.

Как говорил протоиерей Петр Гнедич, «исследование прошлого способствует уяснению настоящего». Из прошлого духа и морали мы должны взять в будущее только положительное и осмысленное в настоящем наше прошлое, прошлое наших славных предков. Именно, поэтому, идеалы Духовных Академий «заключались в вере, осмысленной и обоснованной знанием, и в науке, очищенной и возвышенной парениями веры» (профессор Н. Н. Глубоковский).